

© Виталий Арутюнов / РИА Новости

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Яблоки на снегу	7
Усачевка	9
Нина	30
ГИТИС	34
Мама. Дом на набережной	41
Клайпеда	53
И снова Москва	65
Общежитие	71
Мое детство	79
Театр сатиры	89

Гастроли, поездки	117
Дача	141
Отчий дом. Отрочество	154
Наша семья до и после.	174
Педагогика	210
Андрюша	223
Счастливые встречи.	246
Эпилог.	267

Пролог

Яблоки на снегу

Осень 1986 года. Мы с папой решили поехать на несколько дней на дачу. У него эти дни были свободны, а я не работала, сидела с детьми. Полтора года назад у меня родилась младшая дочка Надя, и я оказалась в длительном отпуске.

После ужина я уложила детей спать, и мы с папой спокойно сели смотреть программу «Время». Прогноз погоды нас встревожил: в ночь ожидался снегопад и заморозки. У нас в саду еще осталось на деревьях столько яблок, которые мы не успели собрать летом! Некоторые уже упали на землю... «Надо спасать урожай!» – решительно сказал отец. И вот, тепло одетые, обутые в сапоги и вооруженные фонариками мы идем в сад. Обещанный сводкой погоды снег уже шел. Он кружил большими хлопьями, а мы светили фонариками и под монотонным снегопа-

дом собирали дары лета... Работа была долгая и трудная: не выдерживавшие тяжести мокрого снега яблоки падали на землю и словно ждали, когда их поднимут. Это был незабываемый вечер: яблоки на снегу и рядом папа, увлеченный таким необычным сбором урожая. До ухода отца из жизни оставалось меньше года.

Усачевка

Усачевка – местность на юго-западе Москвы, в районе современных улиц Усачева и Ефремова, между Большой Пироговской улицей и Комсомольским проспектом. Это название возникло в начале XIX века по фамилии купцов и домовладельцев Усачевых. Будучи дочерью актеров, я не росла «ребенком кулис», потому что имела замечательных бабушек и дедушек. По обеим линиям. Сначала расскажу о папиной.

Его маму звали Елена Болеславовна, в девичестве Равковская. Она была полькой по национальности, но жила в Западной Белоруссии, что по тем временам не было редкостью. Меня назвали Еленой именно в ее честь. Родные Елены Болеславовны жили под Брестом и до 1939 года, до присоединения этих земель к Белорусской ССР, не могли с ней встречаться, так как к этому вре-

мени бабушка уже находилась в Советском Союзе. Там, в Беловежье, у бабушки осталось много родственников. А ее родной брат после революции уехал в Америку, где и прижился, обзаведясь семьей. Долго о нем родственникам ничего не было известно, но наконец он послал кому-то из них весточку, где и поведал о себе. В семье его существование держалось в большом секрете. Во времена холодной войны из-за такого родства можно было схлопотать большие неприятности. Этого опасались все, а пуще всех – дедушка Дима, папин отец. Он был военным, интендантом, и у него своих проблем хватало... Но об этом чуть позже. Как любой военный, Дмитрий Филиппович Папанов странствовал по городам и весям вместе с семьей. Дочь Нина, моя тетя, родилась в Нижнем Тагиле, а сын Толя, мой папа – в Вязьме, в Смоленской области. Между прочим, там, в местном музее, есть целый раздел, посвященный моему отцу.

Дедушка Дима обожал театр. Интересовался актерами, сам ставил любительские спектакли и играл в них. И хотя чаще всего это происходило в маленьких военных городках, его подраставший сын Анатолий тоже страстился к отцовскому увлечению. Он и впоследствии признавал, что именно Дмитрий Филиппович увлек его театром. Мальчишкой занимал его в тех же спектаклях, в которых играл сам, заставлял, по мере сил, ставить декорации, «заряжать» реквизит. Это были первые шаги в искусстве Анатолия Дмитриевича Папанова, будущего народного артиста.

Вот как сам отец вспоминал о семье, в которой родился и вырос: «Я из очень дружной семьи. Отец мой

Дмитрий Филиппович – коренной туляк. Он участвовал в войне 1914 года, а позднее служил в интендантских частях. Отец был очень скромный, деликатный, даже, можно сказать, галантный человек, несмотря на то, что особого образования у него не было. У него были хорошие руки умельца, за что бы он ни брался, – чинить, красить, ремонтировать, писать, – все делал замечательно. Почерк у него был каллиграфический, часто он советовал нам с сестрой заниматься по часу в день чистописанием, видя наши далеко не стройные строчки в тетрадях. Любовь к театру, возможно, зародилась и передалась от отца. Он, живя с семьей в Вязьме, а затем в Полоцке, принимал участие в любительских спектаклях».

В Вязьме Дмитрий Филиппович Папанов играл яростно, отдаваясь целиком образу Крутицкого в бессмертном творении Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Драмкружком руководили С. Морской и Н. Плотников, которые уже тогда посоветовали ему идти на профессиональную сцену. Когда семья переехала в Полоцк, то там Дмитрий Папанов был главным героем в драмкружке, исполняя буквально все роли. Достаточно сказать, что в драматическом произведении «Русалка» Пушкина в очередь играл князя и мельника. Эти спектакли пользовались большим успехом у публики, потому что в городе не было профессионального театра. У нас сохранилась фотография, на которой запечатлены все участники самодеятельности вместе с актрисой Художественного театра Лучезарской. Она была руководителем драматической студии, вернее, кружка.

Сына старший Папанов приучал к сцене с детства. Отец, наверное, не помнил, как сидел на коленях у актрисы, игравшей Кручинину в «Без вины виноватых» Островского, а его старшая сестренка Нина стояла рядом. Папе было тогда три года.

Артистическая карьера Папанова-старшего оборвалась резко. Жена не поддержала этого увлечения мужа, поскольку кормилец почти не бывал дома. Кроме того, оцинкованное корыто – очень большая ценность (в нем стирали белье и купали детей) – было унесено в самодеятельный театр и разбито вдребезги во время изображения грома в пьесе Островского «Гроза». Жена поставила вопрос ребром: «Или мы, или сцена». Семья в итоге победила. С театром было покончено.

Трагедия в семье произошла внезапно. В городке, где заведовал воинским хозяйством Дмитрий Филиппович Папанов, сгорел склад. Деда не привлекли к уголовной ответственности, но выгнали из партии. По тем временам это могло кончиться весьма печально. Наша единственная и неделимая коммунистическая партия безжалостно карала «вредителей». Но Дмитрию Филипповичу повезло: он отделался всего лишь отставкой.

Вскоре он перебрался с семьей в Москву, где поселился в комнате коммунальной квартиры в небольшом кирпичном доме на улице Малые Кочки (ныне улица Доватора). Район Усачевки отец считал своей «малой родиной». Здесь была школа, где он учился, а в ней – драмкружок, где он вдохновенно читал стихи. В одном из последних интервью папа сказал корреспонденту: «Любовь к родному городу начинается с любви к своей улице, с предан-

ности своему театру. Звучит это, может быть, банально, но ведь это так, вы согласны со мной?» И с этим трудно не согласиться: понятие «малая родина» будет всегда актуально. Для отца это была Усачевка и все окрестности, прилегающие к ней. В том же интервью он продолжает: «Усачевка – старая улица моего детства. Сейчас в том районе проходит многоэтажный Комсомольский проспект, взлетает на Ленинские Горы метромост. А тогда были небольшие деревянные домики, пруды, где мы пацанами ловили карасей, купались, катались на коньках.

Чуть позднее, работая токарем в ремонтных мастерских 2-го Московского шарикоподшипникового завода, он робко мечтал о театре. Недалеко был клуб завода «Каучук», где был известный в те годы Народный театр, коллектив которого получил первое место на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности за постановку комедии Шекспира «Укрощение строптивой». Мой юный папа сыграл там роль Гортензио (что впоследствии помогло ему на вступительных экзаменах в ГИТИС). В заводской самодеятельности он сделал первые шаги в волшебный мир профессионального театра, потому что коллектив был действительно сильный и на спектакли в «Каучук» приезжали даже профессора театральных институтов.

В одном из интервью Папанов вспоминал: «С самого детства был влюблен в театр, а особенно в кино. Я не был исключением среди мальчишек 30-х годов, которые по многу раз смотрели “Чапаева”, трилогию о Максиме, “Семеро смелых”, “Цирк” и “Веселых ребят” ... Я, как и сверстники, восхищался героями Бориса Бабочкина,

Бориса Чиркова, Любови Орловой, Тамары Макаровой... Удивительное было время: мальчишки мужали, воспитываясь на примерах прекрасных, мне кажется, даже вечных фильмов, замечательных мастеров экрана.

Но я был не только зрителем. Столь же самозабвенно снимался во многих картинах: “Суворов”, “Минин и Пожарский”, “Степан Разин”. И даже в картинах “Ленин в Октябре” и “Ленин в 1918 году”. Правда, ролей у меня не было, это было только участие в массовых сценах. Что только не приходилось делать: переплывать ров, что был напротив “Мосфильма”, в атаку ходить с криком и гиканьем, недавно, между прочим, увидел себя в “Подкидыше”, но пришлось очень постараться, чтобы найти и узнать себя в толпе на вокзале. Так что киноактер я с довоенным стажем».

Конечно, участие в массовках было небольшим заработком на карманные расходы.

С детства папа обожал играть в футбол. Сколько у каждого из нас романтических воспоминаний об этой поре. Заброшенные дворы – пустыри и ребята предвоенной Москвы, не знавшие настоящих бутсов и кожаных мячей, самозабвенно гонявшие с утра до вечера без перерыва на обед пустую консервную банку или нечто круглое, сшитое из тряпок. Был он тогда, как теперь говорят, в хорошей спортивной форме. Мускулы качали не какими-нибудь специальными упражнениями, а так, между делом. Мать, к примеру, попросит его сбегать за керосином в лавку, а два бидона – это килограммов 20. Вот он бежит с этими бидонами, а времени в обрез, надо еще столько успеть за день сделать: и клумбу под окнами

вскопать по просьбе дворника дяди Миши, и поработать над строительством стадиона в Лужниках, которые только что закладываются, да и на «Мосфильм» поспеть.

Семье отставного интенданта жилось нелегко. Бабушка Лена, утонченная полька, работала здесь же, на Усачевке, на хлебозаводе. А ведь раньше у нее была профессия с таким манящим для меня названием – «модистка». Бабушка делала модные шляпки. А в те времена даме без шляпки и на улицу было неприлично выйти. Елена Болеславовна владела этой профессией в совершенстве. Помню, когда я была совсем маленькой девочкой, мы приходили с папой в гости на Усачевку. Но, как всякий ребенок, я совала нос, куда не следует, заглядывала в ящики, комоды, шкафы. И в шкафу находила болванки, на которые модистки примеряют шляпы. Вот тогда меня охватывал воистину младенческий ужас!

Когда отец работал токарем в ремонтных мастерских завода, с ним произошла неприятность. Хотя их бригада была хорошая и дружная, но кто-то из рабочих совершил кражу стройдеталей. Шел февраль 1941 года, с воровством было очень-очень строго. Всю бригаду арестовали и увезли в Бутырку. На допрос вызывали каждого в отдельности. После допроса Папанова следователь понял, что наивный юноша вряд ли способен на такое. Ведь ему было всего 19 лет. На девятые сутки его отпустили домой. Дома ждал тяжелый отцовский кулак. Родитель не стал ни в чем разбираться, но не рассчитал силу удара. Несколько недель жертве произвола пришлось повалиться дома. А через несколько месяцев началась война, которая внесла поправки во все людские судьбы.